

Глава 11

В главном зале воцарилась гнетущая тишина.

Дунхэ Си ледяно усмехнулся, первым разрывая безмолвие:

— Ещё днём Мо Шу рассказал мне, как Дунхэ Юй хвастался шпилькой, а получив отказ, в ярости толкнул меня, отчего я ударился головой и упал в пруд. Я и слова не сказал о том, что он намеренно отослал людей, чтобы помешать моему спасению, но, оказывается, до этого звучали и другие речи? Столь жестокие и ядовитые, бьющие в самое сердце?

Услышав это, Мо Шу виновато покосился на господина. Заметим, что тот не сердится по-настоящему, юноша втайне облегчённо вздохнул.

Они с Мо Янем скрывали эти подробности, лишь бы не бередить раны в душе маленького господина. Однако, услышав в саду рассуждения наложницы Ван, слуга понял: молчать больше нельзя.

Он был далеко не глуп и прекрасно уловил скрытый смысл в словах боковой госпожи и супруги старшего молодого мастера.

«В этом поместье лишь Старый господин и Старая госпожа могут восстановить справедливость, — думал юноша. — Мой господин лишился памяти и не помнит прошлого, а значит, свидетельствовать должны мы — его верные слуги»

Если бы момент был более подходящим, Мо Шу выложил бы всё: он поведал бы о каждом случае пренебрежения и жестокости, которым подвергался Дунхэ Си за последние два года, оставшись без защиты родителей и брата.

«Пусть бы старики увидели, как Старший господин и его супруга обходились с сиротой»

Цю Вань больше не выкрикивала оскорбления. Теперь она горько жалела, что в саду выбрала путь смирения и не извинилась перед Дунхэ Си, чтобы покончить с этим фарсом как можно скорее.

Последние два года, снедаемая завистью к У Ли, который когда-то отобрал у неё, Старшей госпожи, право распоряжаться делами поместья, она — с молчаливого согласия мужа — всячески притесняла юношу. Она находила любые предлоги, чтобы сослать верных слуг из ветви третьего брата в загородные поместья.

Однако на людях женщина всегда держала лицо и никогда не позволяла себе открытых оскорблений, за которые её могли бы упрекнуть. Свои проклятия она изливала лишь в частных беседах с доверенными людьми. Пока живы Старый господин и Старая госпожа, она не могла

допустить, чтобы её поймали на неподобающем поведении.

Но Старшая госпожа и представить не могла, что Юй-гэ'эр окажется настолько дерзким, что выскажет всё это прямо в лицо Дунхэ Си при свидетелях-слугах. А уж то, что внук открыто препятствовал спасению тонущего...

Это было... за гранью всякого безрассудства.

Цю Вань до белизны в костяшках сжала шелковый платок. Она в смятении посмотрела на Дунхэ Фэна, надеясь, что тот что-то предпримет, лишь бы глава семьи и его супруга не покарали их сына.

Она знала: больше всего старики дорожили миром и согласием в семье. Поступок Юй-гэ'эра не просто бередил раны Дунхэ Си — он разрывал в клочья сердца его деда и бабушки, вновь напоминая им о трагической гибели третьего сына и его супруга.

Старая госпожа с покрасневшими глазами крепко сжимала руку внука, её лицо исказилось от скорби. Она и не подозревала, что за этим несчастным случаем скрывались столь гнусные и ядовитые речи.

Откуда у мальчика взялось такое высокомерие? От кого он набрался этих мерзостей?

Пожилая женщина гневно воззрилась на невестку. Она не была наивной. Когда семья только перебралась в Хайань и начала общаться с местной знатью, она наслышалась предостаточно о грязных тайнах богатых домов. Именно поэтому, заметив мелочность и ограниченность супруги старшего сына, она передала бразды правления поместьем Чжэнцзюню третьего сына.

И У Ли не подвёл: под его началом в доме царил безупречный порядок, избавляя свекровь от лишних забот. Это лишь подтверждало, что её выбор был верным.

Почему шестой брат говорил такие вещи? Разумеется, потому что слышал их изо дня в день. Кто из слуг посмел бы так отзываться о хозяевах? Никто, кроме родной матери ребёнка.

Она знала, что старшая невестка мелочна и завистлива, но не думала, что её сердце настолько пропитано ядом. Если бы Цю Вань не вела подобные речи при сыне, разве пришлось бы ему в голову сказать такое Си-гэ'эру?

— Жена старшего сына, — ледяным тоном произнесла Старая госпожа, — ты действительно «прекрасно» воспитала ребёнка.

Как он посмел назвать Дунхэ Си проклятием для родни? Разве можно бросаться такими словами? Если об этом узнают за пределами поместья, жизнь юноши будет разрушена. Кто захочет взять в жёны или мужа гэ'эра, который якобы изводит собственных близких?

Эта женщина словно пыталась загнать его в могилу.

Старая госпожа ещё крепче сжала ладонь внука, сокрушаясь о безвременной кончине его родителей. Будь они живы, разве посмел бы кто-то в этом доме так обращаться с их сыном?

Цю Вань под тяжёлым взглядом свекрови не смела и слова вымолвить, лишь продолжала отчаянно смотреть на мужа.

Дунхэ Фэн долго хранил молчание, прежде чем заговорить:

— Отец, матушка, я строго накажу Юй-гэ'эра и заставлю его искренне извиниться перед братом.

Повернувшись к племяннику, он изобразил на лице глубочайшее сожаление и искренность:

— Си-гэ'эр, твой дядя просит у тебя прощения. В последние два года я был слишком поглощён делами и забросил воспитание сына, отчего он позволил себе эти прискорбные речи. Прошу тебя, не принимай их близко к сердцу. Я знаю, что ты — достойный юноша, и во всём виноват лишь твой шестой брат. Я непременно заставлю его повиниться перед тобой.

Дунхэ Си пренебрежительно фыркнул:

— И это всё? Только извинение? Никакого наказания? Оставим в покое его слова, но если то, что он столкнул меня в пруд, ещё можно списать на случайность, то как быть с остальным? Он отослал всех слуг из сада. Разве это не покушение на убийство? И теперь дядя хочет отделаться лишь парой пустых слов? Неужели вы думаете, что раз мне теперь не на кого опереться, то меня так легко запугать?

Старший господин смотрел на племянника, скрывая за маской смирения вспыхнувшую в душе ненависть. Он не мог позволить себе проявить недовольство: если родители останутся недовольны, они могут лишиться его власти и передать управление делами поместья его собственным сыновьям, минуя его самого.

«Если меня отодвинут ради детей, как на меня посмотрят люди? — злился мужчина. — Как я смогу и дальше вести дела в городе? Поэтому, как бы ни кипело внутри возмущение, я должен играть свою роль до конца. А позже...»

Дунхэ Фэн подавил зреющий в голове план и посмотрел на племянника ещё более проникновенно:

— Наказание обязательно последует. Но сейчас твой брат в таком состоянии... Я могу лишь принести извинения от его имени. Когда он поправится, мы поступим так, как ты пожелаешь. Что скажешь?

Дунхэ Си не собирался ждать никакого «позже». Дядя, который втайне планировал отдать племянника в наложники какому-то префекту; тётка, которая годами изводила его; и кузен, не упускающий случая устроить подлость... Юноша не знал, как поступили бы другие, но сам он не желал оставаться здесь ни минуты.

Убить их он не мог, избить до полусмерти — тоже. Оставался лишь один путь, о котором мечтал прежний владелец этого тела: раздел имущества и переезд.

Раз уж сегодня дело зашло так далеко, он не отступит, пока не добьётся своего.

— Я скажу, что это меня не устраивает, — отрезал Дунхэ Си.

Он повернулся к Старому господину и Старой госпоже, чей взгляд был полон жалости и вины:

— Дедушка, бабушка, может, вы послушаете, что ещё расскажет Мо Шу?

«Я бы и сам всё высказал, но я ведь не помню прошлого, — размышлял юноша. — А доводы наложницы Ван и старшей невестки не лишены смысла: я не умею профессионально давить на жалость, но за меня это может сделать слуга»

Из тех немногих слов, что Мо Шу обронил днём, он мог представить, какой была жизнь прежнего Си-гэ'эра последние два года.

«Сегодня, ради исполнения желания покойного и ради собственного спокойствия в мире, где нет зомби, я во что бы то ни стало добьюсь раздела семьи»

Сердце Цю Вань пропустило удар. Дурное предчувствие охватило её: нельзя было позволить слуге продолжать.

— Раз уж всё прояснилось, я признаю свою вину в том, что плохо воспитала сына, — поспешно заговорила она. — Сейчас же отправлюсь в храм предков просить прощения у прародителей, а впредь буду строже с Юй-гэ'эром, чтобы он знал, как должно относиться к братьям и сёстрам.

С этими словами женщина поднялась и низко поклонилась Дунхэ Си, извиняясь перед ним, несмотря на свой статус старшей:

— Си-гэ'эр, это моя вина. Я была слишком занята делами дома и упустила воспитание сына, отчего он наслушался невесты где этих гнусных слов и оскорбил тебя. Твой дядя трудится не покладая рук, обеспечивая процветание поместья, и лишь я виновата в том, что не уследила за порядком внутри. Я не прошу прощения, лишь молю тебя: не храни эти слова в сердце, не растравляй свою душу.

Если речи Дунхэ Фэна казались всем привычными — он всегда умел казаться добродетельным, — то смирение Старшей госпожи повергло присутствующих в шок.

Особенно Ван Хунло, которая враждовала с ней больше двадцати лет. Она, забыв о приличиях, во все глаза смотрела на соперницу, поражаясь её изворотливости.

В душе наложница невольно восхитилась: у этой женщины всё же есть мозги. Она мгновенно поняла, что нельзя давать Мо Шу говорить дальше, и тут же выбрала единственно верную тактику, чтобы расположить к себе стариков.

Даже наложница Чэнь, обычно безучастная ко всему, удивлённо повернула голову.

Все были поражены. Цю Вань — скандалистка, Цю Вань — мегера, но Цю Вань, склоняющая голову в смирении? Такого не видел никто.

Даже когда делами заправлял супруг третьего брата, она всегда держалась высокомерно, кичась своим статусом законной жены старшего сына. Когда ещё её видели столь покорной и искренней?

Подобное зрелище не могло не вызвать изумления у всех, кто знал её истинный нрав.

<http://bllate.org/book/15311/1354341>